

*...Разве можно сомневаться, что этот камень
святой?*

*Разве пролитые на нем слезы и миллион поцелуев
с искреннею верою и любовью не освящают его?*

*Разве горячие молитвы над ними в продолжение
веков не делают его святым для веков
последующих?*

И. Ювачев, 1909 год

Походи там, где ходил Господь Иисус Христос.

Епископ Каллист Диоклийский

1

Так игумен Даниил в XI, дьякон Зосима, игумен Варсонофий в XV веке приговаривали после описания какого-нибудь святого угла в Палестине. Теперь и я, дитя советского тления, могу сказать то же. Спасибо Господу, что он допустил меня на долины и горы свои. Но не каменистой тропой и не от зари до зари влеклось наше стадо: легким туристским маршрутом и в одночасье пристали мы к Иерусалиму. Душе моей не досталось того чувства тихого приближения, которое испытали все древние странники. Туризм укоротил преклонение. Нет больше на свете терпеливых паломников. Я с обольщением думал на Святой Земле о путниках «времен старых». Думаю и сейчас, дома, на берегу Азовского моря. «Хожение» игумена Даниила развернуто на моем столе. Под заголовком написаны моей рукой даты, когда читал. Вот читал 29 апреля 1985 года в Пересыпи. Потом тут же 8 декабря 1987 года, после Греции, и 20 ноября 1993 года уже на пароходе в Средиземном море. Шли в Хайфу из Александрии. Было такое мгновение на моем веку! Хочется побыть в том ожидании еще. Но уже первого раза больше не будет. «И видел все своими очами грешными...» Подойду к столу, положу росяную иорданскую каплю на губы. Потрогаю камешки и земельку из Гефсиманского сада. На столе елей из Вифлеема. В книге засохшие листи-

ки из Капернаума, из Табхи. На шкафу открытка с ликом великой княгини Елизаветы Федоровны.

Выйду за ворота, ветер дует в сторону Тамани; и даже во тьме, когда в просторах звезд и в земных верстах смыкается время, трудно не удивиться, что в Тамани, изрядно уже безбожной, ступала нога святого Андрея Первозванного и жил как-то преподобный Никон.

За стеной звездной ночи все так же, как раньше, таятся в Иерусалиме и в Тивериаде святыни. Опять все далеко, за морем. Тысячу лет обрекали себя русские на дожди и зной, на опасность гибели в пучине моря, шли и плыли туда. И у Гроба Божьего поминали всех Русской земли князей и бояр и всех православных христиан, писали имена и клали у Гроба Господня с шепотом: «Да помянет Господь в царстве своем...»

А нынче что?!

2

Тень русских богомольцев, бабушки моей, учившей меня молитве «Отче наш», водила меня по камням и ступенькам; и, как они (Даниил и Варсонофий) причитали на следах Божьих, я причитал по их косточкам: «Вспоминаю вас и хожу с вами». Может, за то, что я душою живу во всех временах, ангел выбрал меня на сочувствие праведникам и созерцание начальной обители. Из колодца старины прибывает целебная вода. Может, и решилось все в те часы, когда читал я древнее и что-то выписывал. Не летом ли это было?

В июле, 12 числа (день апостолов Петра и Павла), проснулся я в Пересыпи в пятом часу утра, умылся водой из бочки, нащипал укропу и в маленькой хатке, похожей на келью (узкое окно, низкий потолок), раскрыл «Словарь книжников и книжной древности», прочитал несколько страниц о монархах и епископах и пошел к морю. Какое множество книг забыто навсегда! Песком засыпаны «Книги святых мужей», «Лествица Ио-

анна Синайского», даже «Слово о гибели Земли Русской»; умираем с газетами в руках, обморочили себя свежими сплетнями и лживыми обещаниями политиков; святые жили давно, и правда их далеко от нас. Шел и думал об этом.

Блаженны утренние часы. Никого нет. Земля, небо, цветы и деревья. Скелетом кажется голый базарный ряд с навесом на столбиках. Магазин по-амбарному закрыт на висячий замок, окна в хатах прикрыты, дворы пусты и сиротливы. В конце проулка, тоже дремного и позабытого на ночь, дальним краем обнажалось с каждым шагом море. Чайки еще не летали и не падали камнем за рыбкой. Вода как тысячу лет назад. Рачки (мормышки) в мокром песке. Все такая же, как при Никоне (если он тут бывал), столом срезанная гора за гирлом (старым устьем Кубани); и косой высокий берег под Голубицкой так же, как при Никоне и при турках, гнется к Темрюку. Нигде нет людей. Знают ли чайки, в каком веке они живут, в каком году? Время в их собственной жизни. А мое еще и в тоске памяти. Когда смотришь в небо и на воду, то чувствуешь, что времени нет. В этом немом просторе так ли уж я далеко от епископа Ефрема из XI века, о котором читал спросонок, или игумена Даниила, автора «Хожений во Святую Землю»? Заметно ли берегу, что только через тысячу лет явился сюда я? И разве давно молился преподобный Никон? Ефрем, Даниил, Никон — только череда рождений и смертей, буквы на бумаге, смолкшие голоса, но для звезд они те же мормышки, божьи коровки или муравьи, умирающие и вечно ползающие без имени. Сколько было святых! Если бы люди не научились писать, не знал бы их позже никто никогда. И тысячу лет назад кто-то утром ходил по берегу, отсчитывал мутные века и дивился: сколько было! Где они?! Кто нынче прочтет «Словарь» или «Хожения», на мгновение приблизит их, для всех прочих они покрыты плитой небытия. Их нет, в молчании исчезли вместе с мириадами паучков и божьих коровок, которых никто не жалел и не вспоминал никогда. Но зачем же немymi звуками вопрошает наша душа и будто скучает без тех, кто назад не вернется?!

А еще за три года до этого написал я немного

о своих грехах побывать на Святой Земле. Написал, взял с собой в Америку, привез назад и в кабине своем... потерял. Перерыл все — нету! Наверное, Господь не хочет, чтобы я во грехах жаждал благодати. Рано мне. Так думал.

И уцелели черновые листочки, выписки из путешествий русских людей.

Они писали и рассказывали так, как мы уже не сможем. Мы подпорченные люди. Они писали, кажется, одной душой. Я читал и шел за ними по пустыне, по долинам и горам мимо развалин Капернаума к Генисаретскому озеру, в Тивериаду, к селению Магдала (где родилась Мария Магдалина), но не чаял сказать, подобно им: «Здесь и меня, грешного, сподобил Бог походить и осмотреть землю Галилейскую...» Назарет — «цветок Галилеи», но мне из колодца, к которому ступала Дева Мария, воды не испить; я не буду там стоять. С хоругвями шли русские люди к реке Иордан, и в их руках сверкали ризы икон, они пели, одеты были в белые саваны, в них лягут они когда-то в гроб. Нога моя не потрогает святую воду. Шли они раньше пешком, малое число ехало на ослах; отдыхали, пили воду из колодцев, ночевали на камнях, кое-кто вставал затемно, спешил к Иерусалиму, блуждал. Бог осенял их своим перстом каждый миг. С великой скорбью целовали они святые камни, все дни и часы жили под знаком преданий, скорбели под слова Иоанна Дамаскина: «...Все мы из земли, и в персть разрешится наше тело до того времени, когда придет Господь...» Не мне, не мне удивляться и тихо восклицать: «Спаситель так же ступал на эту почву, как и мы; пред Ним открывались те же виды, что и пред нами. Он пил из тех же ключей, солнце так же согревало в Его время, и Он искал прохлады в тени смоковницы. Мы знаем, сколь долгое время Спаситель прожил в Назарете, в городе не осталось ни малейшего видимого следа его пребывания. Но не та ли маслина и смоковница упоминаются в Евангелии? А эти горы и вся окрестность! Сколько раз взор Спасителя останавливался на них!» Д. Скалон это писал после путешествия с великим князем Николаем Николаевичем-старшим в 1872 году.

Русская женщина из Нью-Йорка молилась

у святых в Иерусалиме на Пасху, в год смерти Сталина. Чтобы причаститься у Гроба Господня, целую ночь провела она в храме. Исповедь взяла за вечерней в Елеонской обители, у греков. Две только лампы горели ночью на Голгофе и в часовне Гроба. В безмолвии дожидались с игуменьей утра, молились, разложив иконки, записочки, крестики, за Россию, гонимую церковь, а в Великую субботу зажигали свечи от благодатного огня, который дается с гробовой плиты только православным. Один раз в год свершается чудо самовоспламенение ваты на Гробе. Мы выросли без рассказов об этом. И не принесем мы со всеобщей огонь Св. Духа. И не будем в ту ночь там никогда. Вокруг места распятия вся история. Сколько ни читай, не воспринять кровно того, что предстает живому. Надо побыть там подольше и все исходить ногами. До конца дней пребудут с тобой и темница Христа, и место, где императрица Елена обрела честной крест, и к востоку дом Пилата, Овчая купель, и «на расстоянии брошенного камня дом Иоакима и Анны», а еще чуть поодаль – ворота в Гефсиманский сад. «Тут и поклонился». Не поклонюсь, не пройду там.

В Сан-Франциско подарила мне русская женщина «Описание святых мест Палестины» – старую книжку о. Пантелеймона, настоятеля Гефсимании. Портрет о. Пантелеймона, фотографии странников, шрифт с ерами и ятями, стиль потерянного теперь смирения – эхо России, простодушного православия. Я был рад этому подарку. Предчувствовал соизволение свыше? Грешнику, в суете перетершему бабушкины наставления, суждено ступить на землю Христа? Испорченного советского человека Бог допустит к себе и сложит персты его, и притянет колена его к звезде волхвов в Вифлееме и к Гробу в пещере в Иерусалиме?

3

И случилось: 21 ноября (собор Михаила Архангела) я был и молился у Гроба Господня. Я стоял там, где за века преклонилось несметное множество людей. Не смогу описать дорогу от Яффских ворот (через узкую торговую щель), площадь, двери, розовую плиту миропомазанья,

темницу, Голгофу, придел Ангела в кувуклии. Не от срока рождения своего, а века шел я сюда. И помнил, помнил я каждое мгновение: вслед за другими, вслед за многими. С писателем С. положили мы руки на гробницу, я снял с шеи цепочку с крестиком и распростер на плите. Прочитал «Отче наш». Опускался на колени, лбом касался ребра гробницы, просил прощения, научения и жалости к себе. И тихо, покорно вышел, взял у седого грека елей и свечи, прощально склонился к плите миропомазанья, на площади оглянулся на двери: не сколько минут назад я еще не стоял там!

4

На пароходе в Хайфе я прочитал своему курганскому другу стихотворение Бунина:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет, Господь сына блудного спросит:*

*«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все, вспомню только вот эти
Полевые межи меж колосьев и трав,
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.*

5

Это было мгновение моей жизни. Отныне она разделилась навсегда: до и после. Из многих дней, что отпущены мне, три я дышал воздухом Палестины. Почему в этот год – не раньше, не позже – выпал срок моего путешествия? Пятого ноября я выехал в Москву, двенадцатого в Одессу, пятнадцатого стоял опять на языческой скале Акрополиса в Афинах, восемнадцатого взирал на пирамиды Хефрена и Хеопса в Египте, блуждал по базарам Александрии и спускался в христианские катакомбы, а двадцать первого-двадцать третьего привозил в Хайфу освященные крестики, елей, листочки, землю, святую воду Иордана. Кто написал мои дни? И почему я, все чаще тоскующий по детским истокам дней в Сибири, тотчас вступил в пещеру рождения Христа, а не в кувуклию Гроба Господня? У звезды вифлеемской причастился

я еще раз к колыбели своей, намеченной по воле Божией. Верю, что не случайно появился я на свет в сибирской глуши. Зачем-то спасал меня Бог от смерти и дал мне с молодости благонаправленных друзей; потом пустился я в скитальческую путь-дорогу, покорен был книгами, великими именами, так возлюбил старину, что кое-кому казался юродивым; зачем-то писал за границу русским, почитал в них Россию православную, царскую, какой никогда больше не будет; зачем-то облюбывал уголок под Таманью и живу здесь подолгу. И, может, неспроста пришло путешествие в Палестину? Какие нечаянные совпадения! Достую с полки забытую мною книгу, раскрываю, и выпадают строки XIV века: «Потом в понедельник утром ноября в двадцать первый день мы отбыли, а вечером пришли в Вифлеем, где родился Господь наш Иисус Христос». Через пять веков в этот день пришли туда мы, но не сподобимся написать так: «...Поодаль города мы разулись и вошли внутрь босые... и шли мы в великом благоговении...» Нечего кривить душой, мы вышли из автобуса, как выходят туристы всего мира в любом месте.

В храме Рождества нам прочитали лекцию о византийских колоннах и мозаике мраморного пола. В пещере многие из нас, соблюдая какое-то непонятное «цивилизованное достоинство», не подползли на коленях к серебряной звезде с шестнадцатью лампадами над ней, не покорились преданию, обозрели и вышли, как из музейной комнаты. Что ж, нельзя лукавить: отвыкли от всего старого. Я тоже не похож на мою бабушку, тем более на игумена Даниила. Когда-то приезжали в Иерусалим русские люди и возвращались назад, в тысячелетнюю православную, то великокняжескую, то царскую Россию и не пугались, что после них она в какой-то страшный год перестанет такой существовать. Небесная звезда заткнется звездой масонской. Нигде у нас больше нет в келье святого старца. И от каменистых спусков и взгорий за церковь Рождества так печально было тянуться соображением к измученной, все еще распятой России. В какую скорбь впали бы наши предки, встречая повсюду некрещеный, неверующий муравейник русского народа. Если бы плыли с нами на пароходе русские из Америки

и Европы, то после поклона в Иерусалиме или в Назарете встали бы за столами на ужине и хором прочитали молитву. Но мы, все еще советские, ужинали как обычно. С молодости отвлекли мы душу от божественного напева увещаний: «...И долготетен будешь на земли... не отвержи мене во время старости... утоли моя печали... и до века не оскудею...». Повсюду дома высокомерие и легкомыслие телевизионного просвещения, тупость всезнания плащевокурточной публики. Держат большевики перед Патриархом свечки в руках на Пасху, а в день Св. Дмитрия Ростовского спускают вооруженных псов на народ. Великий пятнистый предатель блудил в Иерусалиме в еврейском синадризоне и не пошел по стопам русских к монастырским воротам на горе Елеонской. Обнимал зато проходимца из Америки, скупавшего после революции наши иконы. Государь обнимал казачьего генерала, сказавшего ему в Зимнем дворце: «Прощусь, Ваше Величество, в отставку, пойду поклониться Гробу Господню, помолюсь за казачество и за то, чтобы послал Господь Вам наследника». Господи, прости нас. Мы не помнили в Александрии, что там отсекали главу св. евангелисту Марку, в Афинах примеряли шубы и миновали церковь с византийским куполом. Долгая дорога к Богу нам недоступна. Рассказывали мне: выходил казак из станицы Пашковской по весне, а возвращался домой через год. Брал в корзинку гусят, шел на юг и кормил их, ночевал где придется, в Иерусалим подходил – уже гуси были большие. Наверно, много расспрашивали его в хате, когда вернулся; нас спрашивали про магазины.

«Привези святой воды», – сказала мне матушка, когда мы, сняв последние плоды, пили вечером 31 октября чай с облепихой. Я не успел съездить в Тамань за крестиками. Как бы чудесным образом от преподобного Никона, основавшего в XI веке в Тамани церковь Пресвятой Богородицы, должен был я забрать эти крестики и принести в Иерусалим. Семь лет назад матушка молилась в пасхальную ночь в этой церкви. В Тамани бы и лежать нам в вечном покое. Часто думаю об этом, но не говорю матушке.

«Мать Божия там лежит? Я была маленькая, жили в Елизаветино еще, моя бабушка Елена при-

шла в гости. Мы на печку положились, и она стала нам на зубок читать. «На Сионской горе, на... земле, там стояло древо кипарисное; под тем древом мати Божия почивала. Пришел сын Иисус Христос: «Мати моя, ты спишь или так лежишь?» — «Я недолго, сынку, спала, да много во сне дива видала. Не иначе ты жидовьями взятый, на кресте распятый. Терновый венец на голову тебе надевали, копытами ребра прибивали, золотые чаши подставляли, восточной крови до земли не допускали». — «Это, мати, не сон, а истинная правда». Кто эту молитву прочитает, того Господь не забывает. Я уже старая, позабыла, путаю, может, какие слова».

И замолчала моя матушка, наверное, о смерти задумалась, о матери своей и о деревенских днях, когда водили ее в церковь, а дома никогда не сядились за стол без молитвы.

Может, все бабушки мои в своих невесомых селениях и мать во дворе в Пересыпи чувствовали, по каким камням я хожу и как жалобно вспоминаю их.

От церкви Гроба Господня вышел я в узкую улочку, араб-торговец ухватил меня за руку, задержал, и я отстал от своего курганского друга, поторопился не вниз, а вправо и заблудился. Жутким одиночеством передернуло меня на мгновение. Никогда не совпадут чувства кельи и улицы. Я в арабском квартале; вечер, прохожие, никому нет дела до того, зачем я здесь издалека, с мироощущением тысячелетий. Три дня назад я также отставал в египетской Александрии. Все еще сказочный, пугающий непеременимостью Восток открылся мне. Такой древний, непонятный, чужой. Какой шум! Мне надо искать Яффские ворота. Щелистая улочка лежала пологой лестницей. Слава Богу, наши стояли над развалинами, и, наверное, была это Овчая купель. Гидша показывала рукой на мечеть Омара, занявшую собой гнездо храма Соломона, и на святилище Тайной Вечери Иисуса Христа, с гробницей царя Давида под ней. Далеко в ухоженной пропасти шевелились фигурки — то евреи в ермолках пришли к стене Плача.

После ужина на пароходе поэты читали в салоне стихи. Так, обо всем. В баре долларовые дамы весело пили вино. В кинозале запустили американский фильм «Запах женщины». На самом верху бушевала дискотека.

Я вышел с другом на палубу. Скалистая Хайфа пестрыми огоньками взбиралась на небо. Жаль, не было с нами писателей, с которыми в 1981 году путешествовали по Северу, мечтали собраться этой же компанией еще раз. И не поднять сюда анахорета из Абрамцева, сердитого в правде писателя из Верколы, чалдона из Сростков, художника из Москвы, критика-кубанца и еще кой-кого, — Бог взял их к себе навсегда. С хранителем древности наше путешествие стало бы бесконечным погружением в сказку веков. Он тоже уже высоко-высоко.

Пишу, а матушка бережно несет мне к столу чашку кофе и горячий пирожок. «Вечером напишем письмо крестной, — говорит. — Ты не отослал ей святую воду?» Она ушла, а я с горькой радостью подумал: еще мы на земле вместе! Господи, продли наши дни, жду милосердия Твоего. Я поставил на диск пластинку, которую купил в Вологде двадцать четыре года назад, — «Не отвержи мене во время старости». Виноградные листья за окошком темнели после захода солнца. Запели «Херувимскую».

6

Прочитаю ли строки в Евангелии, в записях путешественников, увижу ли заголовок стихотворения, всегда теперь, о Гефсиманский сад, вспомню полдень 22 ноября и буду идти к твоим маслинам и смоковницам той же дорогой.

Накануне мы ужинали, и писатель С. сказал:

— Сегодня нас не повезли в Гефсиманию, в церковь Марии Магдалины. Там гроб Елизаветы Федоровны. Стена Плача это интересно, конечно, но если мы у Елизаветы Федоровны не побудем, считай мы русских святынь не видели... А уже поговаривают, что завтра будем день сидеть в Хайфе. Вы разве не читали о Елизавете Федоровне? — спросил он у москвича. — Елизавета Федоровна родная сестра императрицы. Ее канонизировали. В 1905 году — у нее на глазах бомбой разорвало мужа, великого князя Сергея Александровича. А в день его ангела в 1918 году большевики сбросили ее в шахту под Алапаевском. Она упала не на дно, а на выступ. Рядом с ней нашли князя Иоанна. Она до последнего пела молитвы, а все вместе они пели Херувимскую. Пришли колчаковцы, подняли их, через всю Сибирь повезли в Пекин. А оттуда

в Палестину: Елизавету Федоровну и послушницу Варвару. В медных гробах. Врач Судаков пишет: «Тело Елизаветы Федоровны источало благоухание и было мироточиво». Вот. Неужели вы не слышали? Вот так мы живем в России. Беда.

Утром повезли ученых в Иерусалимский университет. С палубы парохода я случайно заметил автобус. Быстренько заскочил в кабину, похватал кое-что в дорогу и сбежал вниз. Подпертые высокими спинками сидений молчали перед отправлением ученые. Я тотчас увидел С.!

— Пока они будут рассуждать в университете, мы пешочком пройдемся в Гефсиманию, — сказал он. Пусть они поспорят, потолкут науку, кофе бесплатно попьют, адресами обменяются.

Я был рад, что еду с ним. Еще в студенческие годы читал я его книги о русских проселках, об иконах и монастырях.

Живешь на земле десятилетия, а помнит наша душа минуты, часы, дни. Опять были холмы и впадины Иерусалима, еврейские символы архитектуры и крепостные твердыни, магазины роскоши, аптека какого-то Левенталья и евреи со всего мира на земле праотцев: европейские платья, лапсердаки, белые шарфы до колен, ермолки, черные круглые шляпы; какая-то вечная особенность, тайна в глазах, отчужденность.

У нас своя тайна: близ горы Сион мы продвигаемся к церкви Марии Магдалины, поставленной детьми Александра III, к русским могилам. 17-й год никак не отпускает нас.

От Яффских ворот мы пошли направо, все время понижались, миновали арабские торговые ряды, какие-то по правое плечо ворота — что за ворота? Может, узнаю когда-нибудь в другой раз. В Гефсимании Христос спускался по мощеной лестнице Маккавеев — тоже никто не подскажет, где она; от Силоамского источника вышел он через ворота за Кедронский поток. Как тепло, солнечно! Неужели я в Иерусалиме? На чей след ступаю? Царство небесное всем, ходившим здесь или чайвающим ходить: и игумену Даниилу, и великому князю, и белогвардейцу, и казаку с Кубани, «уволенному в Иерусалим для богомолья и всегдашнего там пребывания». Бабушке моей царство небесное. Она бы рада была принять крестик, ос-

вященный в Вифлееме. В далекой Сибири на берегу озера кладбище лежит она десятый год.

Нету с нами поводыря, и мы идем за русскими женщинами, которые тоже в Иерусалиме впервые. Они с нашего парохода. Одна из Ельца, другая из Парижа, мадам К. Это она меняла в банке доллары на шекели, и, пока ее ждали, я разглядывал проходивших мимо евреев. Как были мы одиноки среди них! Они тысячу лет шли к своему дому Давида, стеклись рекой к стене Плача, мы в своей древней России все разбегаемся врозь. В окружении ветхозаветных сионских высот, под покровом гефсиманских страданий Христа, в какой-то неведомой еще нам тишине церкви св. Марии Магдалины укрыта в гробнице частичка русского исхода. И даже женщины впереди живая и смышленная в чужих краях ельчанка и мадам К. из Парижа — символ расколотов России. Ельчанка ищет дорогу в Гефсиманию по описаниям, сама душа помогает ей поменьше плутать. Будничность арабов и евреев, привыкших к праху истории, утончает наше изумление: неужели мы здесь? Мы растворяем свои чувства в веках, они поглощены минутой самой жизни. Так всегда разделены путешественники и аборигены.

Стена обрубается на углу и тянется дальше, обозначая переход к новой части света (кажется, север). Вниз, вниз, к Кедронскому потоку. Вверху Елеон? Для кого это существует из века в век, из года в год? Но как будто не было и нет этого капища: русских надолго отлучили от этих пещер, пьтин, «полных костей человеческих». Где в Кедронском потоке тридцать лет подвизался в пещере Иоанн Дамаскин? Там или вот там? Вскружилось нечаянно: в рассказе Ю. Казакова «Плачу и рыдаю» герой цитирует Дамаскина: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробе лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну и бесславно...»

С. вдруг замер на месте, я подошел к нему.

На высоком горизонте кончалась гора Елеонская с храмом Вознесения, с пядью земли, на которой последний миг пребывал Христос, и по серокаменистому склону в лучах тихого солнца круглыми маленькими чашами кипарисов и олив зеленела опушка МОЛЕНИЯ О ЧАШЕ, а от

наших ног спадала к Кедрону дорога; там, в версте от нас, слева в купели оврага был храм Богородицы, а справа пятиглаво замерцала стручком наша русская церковь Марии Магдалины.

Мы перекрестились.

«Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания...» И открыли нам монашки двери, и вошли мы в чистый (как все вокруг) безлюдный храм, поклонились иконам в жемчужно-серебряных ризах: Божией Матери Елеонской, Скоропослушнице, Нечаянной Радости, Владимирской, Державной. Все родное. К своим пришли. А в правом приделе высоко от пола росла гробница. И чувство, помню, было такое: так вот она где, святая Елизавета, царская сестра, алапавская жертва, как близко под тонким светлым рядом ее мощи!

С. пал на колени, вцепился пальцами в край гробницы, в одно мгновение отделился, лицо его тотчас измучилось сочувствием; он так хотел дойти сюда, переживал: вдруг не сбудется! Я его еще таким не видел. Потом, когда мы шли к церкви Гроба Богородицы, я держал его под локоть как близкого мне и очень русского человека. Почти вслед за ним стал на колени и я. Мы поцеловали частички мощей великой княгини, Василия Великого, св. Афанасия. Нежные молодые монашки пропели акафист.

Был день иконы Божией Матери Скоропослушницы.

На крыльцо со ступеньками по бокам вышел я тихо, благодарно, да, благодарно, все-таки удостоился! На Елеонских склонах любила пробуждать чувства Мать Спасителя. Не здесь ли снова слышался ей голос Его: «Мати моя, ты спишь или так лежишь?» Не поднялись мы к церкви Слез Господних и уже выше к церкви Вознесения. Уже надо было торопиться назад к Яффским воротам. Я всех вспомнил: родных и близких, писателей и друзей.

Пусть и меня вспомнит кто-нибудь, когда выйдет из притвора, спустится с крыльца налево, потом повернет еще раз вдоль стены и поднимется к могилам — там по правую руку заметит дерево. Пусть растет и века стоит оно — я под ним наскреб серой земельки. От него повыше могилки с крестами. До конца дней буду я особо жалеть русских,

умерших за границей. Благочинная Россия! Ты уснула навсегда. Не такой ли печальной, как этот Гефсиманский сад на склоне горы Елеонской, увидится она потомкам?

С. сидел возле вывороченного корня. Я дал ему камешек, подобранный мною у могилок, дал еще шишку. Он держал их на ладони, старчески улыбался («да, вот еще один камешек»). Я спросил его:

— Что будет с Россией?

— Ты бывал в Даниловом монастыре?

— Один раз. Перед тысячелетием.

— Когда монастырь передали патриархии, поставили наместника, появился вскоре какой-то старичок. К нему вышел игумен. После революции старичок (тогда юноша) жил возле монастыря Саввы Сторожевского. Уже церкви грабили. И один монах принес ему ковчежец, в котором была мироточивая голова Саввы, попросил спрятать ковчежец до лучших, как сказал, времен. Старик прятал семьдесят лет. Теперь эти мощи в Даниловом. И из Америки передали частицы мощей Даниила Московского, чудотворца. Так много ли у нас таких людей? Таили ковчежец, верили. Где они? В телевизоре? В писательском союзе? В деревне? У нас на пароходе? Какая это Россия? Последние времена.

Монашки провожали нас до ворот, и закрывала дверцу, благословляла на дорогу в Россию самая старшая, седая гречанка, у которой не успел я спросить: кого видела на веку? Кто приходил сюда из простых и из знатных?

К тому часу открыли церковь Гроба Богородицы. Сорок восемь ступенек ввели нас в пещеру. И в кувуклии, став на колени пред решетчатой нишей, забыв о присутствии молившейся сбоку эфиопки, услышал (вспомнил) я бабушкин и материн голоса: они меня учили молитве в Сибири, как приходил Христос к Матери: «Мати моя, ты спишь или так лежишь?» ■

1994 г.